

Хлебников Велимир Владимирович

**Собрание произведений Велимира
Хлебникова**

Том 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
В27

В27 **Велимир Владимирович Х.**
Собрание произведений Велимира Хлебникова: Том 4 / Хлебников Велимир Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 343 с.

ISBN 978-5-521-29168-7

ISBN 978-5-521-29168-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

П Р О З А

И ДРАМАТИЧЕСКИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Редакция текста
Н. Степанова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ В ЛЕНИНГРАДЕ

№ 76

Отпечатано для Издательства Писателей в Ленинграде гос. тип. им. Евг. Соколовой, в количестве 3200 экз., пларов — 10³/₄ л. За к н я № 171.
Ленинградский Областант № 38106.
Суперобложка и переплет М. Кирпарского
1930

П

Р

О

З

А

ПЕСНЬ МИРЯЗЯ

У омера мирючие берега. Мирины росли здесь и там, белые сквозь гнезда ворона. Низ же зарос грустняком.

Лось проходила сохатая, трясла берега, нежила голову. Свирела свиристель, ликуя веселизненно и лаская птичью душу в игорном деянстве. Смертно-бровый тетерев не уставал токовать, взлетая на морину.

Кругом заросло красивняком и мыслокой.

Тихо на небе.

Красивей выказывал всю красоту членов.

Небо синее.

Слезатая слезиня: от нее ушла навсегда веселость.

Сказала: „прощай“ и бросила ветку слез.

Миловель стоял в пущах. Миристые звонко распевались песни. Прилетали неведомо откуда мирястеющие птицы и, упав на ветку, начинали миристеть.

И был юноша, с голубой мглой во взорах, в белой одежке, с первоодёванными лапотками, и, подслушав Миристель, срезал грустняк и, вырезав дудочку, называл ее мирель, себя же—первомирельщиком.

Когда на яри зеленой, зеленой лугу, в алом и синем водили игорный круг при зовах молчащей свирели, тогда умолкал.

Гласючими молотами било слово вдали словельщики товарищи.

Иногда на белый камень у лодочной пристани приходила дочь леса и, положив белый лик на колени, бросала на темные воды миратый взор.

Когда же воды приходили в буйство и голубые водяные ноги начинали приходить в пляску, вдруг брызнув и бросив черными с белыми косицами копытами, тогда звучал хохот и кивали миряными верхушками осоки и слетались мирязи звучать в трубу, и под звон миряных гусель и на неких нижних струнах рокот мерный выходил из голубых вод негей нежить щеки и ноги под взорами хорошеющих краснея хорошеек, поднимающих резвые лица над синим озером, среди тусклых облак лебяжьего пуха и вселеняющих росинок росянок.

В мыслеземных воздушных телах сущих возникали каменные взоры и взгляды, а, высеченные из некоего изначального мирня, мировые тела трубящих мирязей свивались в двувзглядный взор и медленно опускались на дно морское.

Ах, эти звучащие мысли и рокот сих струн! Кем вы повешены на то место, откуда я взял вас? Вы, высокие струны от звезд к камням и рощам. Качались мысловыми верхушками прекрасные грезогги. Синь, ветер, и песнь, и ночная тишина, и ночная вышина струн, оттуда сюда, как копья времен, как стража усталого ропота, как воины с зовом оттуда сюда!

Гордо тяжкий пролетал мирёл, пустотовея орлино согнутым клювом. Кто мирланье нашел перо, кто мирланьих услышал веяние крыл, кто мирланий услышал зов, тот изменился. Травы сжигает воля „сюда!“ и клетот.

Лелеет себя и игры малая жизнь на листьях купавы. Подымая белые пухлые губы и хохоча брюхан водяной тешится, сдувая пыль с водяной зеленой яри, хватаясь за ребра.

О, юноша пастушонок в белом, играющий в мирель, в белых своих лаптях и белых одеждах! Звонная песнь звонатой свирели:

И слезатый Белун, и смехучеустые лешие с звонкосмехотливыми копытами!.. Они натягивают с чела волос и играют, как на гусях, конским копыт ом резвари и шалуны. Величие — родственник слез. Ветхим временем текут волосы Белуна. Но сияют еще не постарелые глаза.

Грозные, прекрасные, неподвижные губы. Как дальнее озеро, слеза остановилась на косматых величественных кудрях на груди. Не озеро ли в лесу под синим последожидичным небом?..

Так играл пастушонок. Лесини свисали вниз острыми грудями, так что их неопытный взор мог бы принять за осинные гнезда, вникая в смысл песни.

И жители недалекого села несли в зеленючие недра свои взоры, мелькая белючим и синючим одежды, обмениваясь таинственным священным шопотом. После оставляли одежды синеть и белеть...

Так пел пастушонок-свирельщик, не отымая свирель, свитую из золотых кругов и лиц.

Стала веще-старикатой даль, прекрасной и чистой дня тишина. Стала взоровитой чаща. И ворковали без умолку, реяли и падали ввысь и вниз умрутные скоро голуби желаний. Кора стволов искрится глазами. Течет смола желаний...

Так пел он. Ужасокрыл смирился улета.

Будучи руном мировых писем стояла людиня,
заклиная кого-то опрокинутыми в небо взорами, мо-
лящаяся, мужественная и строгая.

Так пел отрок.

Голубые взоры Белуна подернулись влагой.

И отнял свирель отрок. Упал к стволу дуба.

И свирель поднял липорукий леший и тоже запел.

Я был еще молодой леший, я был Городецким, у
меня вился по хребту буйный волос, когда я услы-
шал голос.

Мы подходили под благословение к каждому пруту,
когда я слышал голос, увидел руку.

Нет, не стоит того, чтобы привести ее всей. Не
стоит!

Усмехнулся седым усом старый Белуни вспомнил
о ком-то отрок.

Рассмеялись весенними устами лесини и усмехну-
лись ему деревини.

Так пел леший.

Идутные идут, могутные могут. Смехутные смеются.

А мирязи слетались и завивались девинноперыми
крылами начать молчать в голубизновую звучаль.

И в страдоче немолей была слышна вся прелесть
звуков. Ах, каждый стержень опахала кончался
ясным лицом.

Молчаль была оплетена небесочеством, и была их
голубизна сильна, как железо или серебро.

Текло вниз молчание, как немотоструйный волос.

Одеты холодом слезоруслянные щеки. Сомкнуты
сжатые уста. Строгие глаза. Голубыми олеплены
жерди. Верейная связь исходит из страдалых глаз.
Ты взор печали в голубой темнице.

Эти гусельные, нежные, мглой голубой веющие пальцы с камнем синей воды на перстне.

И зори, покрывшие стержнями его тело, главу и смелость.

Зодчеством чертогов называет божество пламя своего сердца. Мглу не развеяли взоры, и уста над деревом вишни, и облако.

Красновитые изливы по сине синючему морю.

Бело-жаровый испод облаков.

Белейшина — облако. Синины. Синочество.

Шла слава с широким мечом.

В глазах горделивый сноп мести поющего — им, смерть крыльями обвила главу ничтожного, где все велики, великого, где все ничтожны, робкого — где все храбры, храброго — где все робки. Миратым может быть зрение лаптя. Певец серебра катится река.

Вон стадо-рого-хребто-мордо-струйная река в берегах дороги. Жуя кус черно-чернючего хлеба, волочит бич белый мальчик.

Зори пересмеялись и одна поцеловала в край сломленного шапкой ушка.

И поцелуй отразился на жующем хлеб лице.

Сумерковитый пес с костреющим злым взором.

Опять донесся рокот незримых гусель.

Но немотная к запрытаным устам дующего приложена таичственной руки семитрость.

Там степи, там, колыхая крылья среброковылистые, седоусый правит путь сквозь ковыль старый дудак.

Воздушная дуга протянулась по травам.

Стали снопом сожженного, бегут в былое, вечера-лые у лебедей под могучим крылом и шеями, часы.

Травяная ступень неба была близка и мила.
И мной оцелованы были все пальцы ступени.
Страдатай пустыни и место!
Не ты ли пролетаешь в серебро-сизых плащах, подобный буре и гневу? — Когович? — спросят тебя.
Им ответишь: — Я соя небес!
Проскакал волк с цветами гаснувшего пожара в шерсти. Мглистый кокошник царевен вечера, выходящих собирать цветы.
Тучи одели утиральником божницу.
Кланяются, расслоняются цветы.

Синатое небо. Синючие воды. Краснючие сосны, нагие... чьи локтерогии тела.
Зеленовохвостый переддевичий змей. Морезыбейная чешуя.
Нагавый кудрявый ребенок, чья ладонь — телокудря на заре.
Пронизающие материнский дом во взорах девушки, чье рядом и одеймо небесаты голубевом, тихомирят ребенка.
И умнядь толпоногая.
И утроликая ночетелая телом днерукая девушка.
И на гудно зова летит умирамый злодей и казнит сон и милует явь.
Наступили учины: смерть училась быть жизнью, иметь губы и нос.
И утролик и ясю взорат он.
И яснота синих глаз.
И веселоша емлет свирель из пука игралей.
И славноша думновзорен.
И смех лил ручьем. Смехливел текучий.